

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

Э. МИЙАР**

Статья посвящена анализу понятия конституционной ответственности и тех значений, которыми оно наделяется в естественном и юридическом языках. Цель исследования — поиск логического концепта, к которому отсылает термин «конституционная ответственность» в юриспруденции. Различая два ее уровня — нормативный и доктринальный, автор отмечает, что обособленное рассмотрение случаев нормативного использования термина не дает представления о сущности конституционной ответственности. В юридической доктрине можно выделить контекст использования термина (прескриптивный или дескриптивный) и то, что обозначается использованием (в широком или узком смысле). Большинство юристов придерживаются прескриптивного подхода к пониманию конституционной ответственности и исходят из априорной идеи: либо из того, чем в общем смысле является ответственность, либо из того, какими должны быть ограничения, устанавливаемые для чиновников высшего уровня, либо из того и другого. По мнению автора, такой подход позволяет определить объективные критерии конституционной ответственности, но переносит исследование в область политической науки и ориентирован только на парламентарный режим. Противоположные ему дескриптивные теории конституционной ответственности основаны на изучении процедур, предусмотренных нормами позитивного права и касающихся чиновников высшего уровня, при помощи индуктивного метода. Отмечая достоинства и недостатки обоих подходов, автор приходит к выводу о том, что термин «конституционная ответственность» обозначает любую форму ответственности политика независимо от юридических способов ее реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: понятие, термин, нормативное использование, доктрина, вина, санкция.

MILLARDE E. REFLECTIONS ON THE LEGAL MEANING OF POLITICAL RESPONSIBILITY
The article is devoted to analysis of the concept of political responsibility and the meaning which it is assigned in the natural and legal languages. As the purpose of his study, the author defines the search of logical concept, referred to as such, the term “political responsibility” in jurisprudence. Distinguishing between its two levels — normative and doctrinal — he notes that the separate study of the cases of the

* Перевод с французского выполнен В. А. Токаревым (basiletok@gmail.com) по изданию: *Millard E. Observations sur la signification juridique de la responsabilité politique // Gouvernants, quelle responsabilité? Ph. Ségur (ed.). 2000. P. 81–100.*

** Эрик Мийар — доктор права, профессор Университета Париж X — Нантер (Университет Западный Париж — Нантер-ля-Дефанс).

Eric Millard — doctor of legal sciences, professor of University Paris X — Nanterre (Paris West University Nanterre La Defense).

© Eric Millard, 2000

© Токарев В. А., перевод на русский язык, 2014

normative use of the term does not provide information about the nature of political responsibility. As to the legal doctrine then it is possible to pick out the context of use of the term (prescriptive or descriptive) and what it means by using (in the broad or narrow sense). Most lawyers adhere prescriptive approach to understanding political responsibility. They come from a priori idea from either from what responsibility is in common sense, or from idea of what should be the limits set for governments, or from both. According to the author, this approach allows defining objective criteria for political responsibility, but moves the study into the area of political science and is focused only on the parliamentary regime. Opposing him a descriptive theory of political responsibility is based on the study of the procedures under the norms of positive law and related to the governments, while using the inductive method. Noting the advantages and disadvantages of both approaches, the author concludes that the term “political responsibility” means any form of liability of politician, regardless of the legal ways to implement it.

KEYWORDS: concept, term, normative use, doctrine, fault, sanction.

1. Единственная цель данной работы, независимо от попытки построения какой-либо оригинальной теоретической конструкции, — установить те юридические значения, которые придаются термину «конституционная ответственность» в различных дискурсах, содержащих его, и постараться показать, каковы условия, последствия и допущения такого использования.

Значительной части представителей юридической науки понятие конституционной ответственности кажется очевидным; в его очевидности не возникает сомнения и после прочтения многих трудов по политологии. В качестве иллюстрации приведем вслед за Кристианом Бидегаре и Клодом Эмери два утверждения, распространенных в исследованиях юридической организации политических режимов:

а) каждая политическая деятельность предполагает и актуализирует какую-либо форму ответственности;

б) современной формой политической деятельности является юридическая форма.¹

Из этих утверждений выводится (по меньшей мере, имплицитно) следующее, по всей видимости, логичное заключение:

с) в современных политических режимах существует конституционная ответственность чиновников высокого ранга (возможные варианты: «в современных политических режимах должна существовать конституционная ответственность» или «режим, в котором не существует конституционной ответственности, не является современным режимом и, таким образом, не является юридически организованным режимом — правовым государством»).

Размышления о подлинной логической ценности данной дедукции и, прежде всего, анализ того, насколько утверждения а) и б) точны и возможно ли из этого правильного предположения, сопоставляя их, логическим путем прийти к одному из предлагаемых выводов, выходит за рамки нашего исследования. Заметим только, что на самом деле этот вывод чаще всего преподносится как утверждение здравого смысла, а не результат, верифицируемый путем теоретической аргументации.

¹ *Bidégary C., Emeri C. La responsabilité politique. Dalloz, 1998.*

Как бы то ни было, по-видимому, невозможно оценить утверждение или вывод, если мы не имеем представления о значении, которым наделяется в рассуждениях конституционная ответственность. С этой точки зрения сомнительно, что термин может быть наделен единственным значением (которое наглядно демонстрируется), даже если он кажется хорошо знакомым тому, кто использует его или ссылается на него.

Действительно, любой студент, прослушавший курс конституционного права в течение семестра на первом курсе юридического факультета, должен знать, что такое конституционная ответственность. Данное понятие кажется ему очевидным, как и нам, признаем, преподающим ему эту дисциплину. Однако интуитивное ощущение очевидности понятия конституционной ответственности, несомненно, обманчиво, поэтому студенту следует, как и нам, не доверяться ему, слишком часто препятствующему познанию права.

2. На мой взгляд, здесь скрывается первая и главная проблема, которую понятие конституционной ответственности ставит перед юридической наукой. Любая наука, любая философия является прежде всего критикой языка. Научный язык не относится к естественным языкам. Понятие должно быть наделено в нем значением для того, чтобы можно было сформулировать с его помощью некий верифицируемый вывод. Познание права в качестве научной деятельности предполагает, таким образом, критику используемых ею понятий. Между тем конституционная ответственность, о которой мы здесь рассуждаем, несомненно, в первую очередь является неопределенным термином естественного языка (поэтому он кажется нам таким знакомым). Следовательно, возможны разнообразные варианты его использования (в публицистическом контексте, в политическом контексте и т. д.) и различные значения. В зависимости от личности говорящего и места произнесения речи он будет обозначать парламентскую ответственность чиновников высокого ранга, уголовную ответственность министров или другие, менее определенные институты, такие как обязанность политиков отчитываться при отсутствии точного обозначения или предположения процедур, мотивов, санкций или адресатов. Конституционная ответственность по причине того, что она является термином, принимающим в естественном языке разные значения, считается, исходя из требований юридического познания, неспособной к наделению ее каким-либо значением. Итак, она не образует непосредственно юридического понятия, скорее, наоборот.

3. Если мы хотим продвинуться вперед, т. е. попытаться провести анализ субъекта конституционной ответственности или исследуемых явлений, который был бы действительно юридическим, свободным от банальностей, приблизительностей или который не проводился бы лишь для высказывания неверифицируемых моральных, философских или политических суждений (не играющих роли в процессе познания), нам следует остерегаться обманчивой простоты такого термина, как конституционная ответственность, и постараться обнаружить, если он существует, логический концепт, к которому отсылает этот термин в юридическом поле. Его существование означает только то, что ему соответствует действительно существующий термин, иными словами, то, что возможно правильное использование этого термина. Все здесь зависит от соглашения и удерживает от квалифицирования конституционной ответственности только таким образом, как устраивает нас (все случаи использования не равнозначны, по меньшей мере, в плане их потенциального подтверждения). Следует признать, что различные значения, которыми

наделяется данным термин (и другие в известных случаях), могут быть подходящими. Но чтобы избежать бесполезных дебатов, не имеющих отношения к тому явлению, которое обозначает термин «конституционная ответственность», или к самому понятию и обусловленных разногласиями выступающих относительно того смысла, который они вкладывают в понятие конституционной ответственности, следует если не окончательно договориться о том, что такое конституционная ответственность, то, по крайней мере, уточнить, что именно мы понимаем под этим термином. До этого момента дебаты, очевидно, не прекратятся: можно продвигаться вперед в вопросе о характере кошки, только если мы, по меньшей мере, договоримся о том, что мы понимаем под кошкой.

Это не чисто теоретическое требование. По мнению ряда авторов, дело Левински привело к конституционной ответственности президента Клинтона, с чем не согласны другие авторы, квалифицирующие эту ответственность как уголовную. Их спор представлял бы интерес, если бы они понимали здесь под конституционной ответственностью одно и то же. Впрочем, очевидно, что первые авторы понимают конституционную ответственность в широком смысле, включая в нее форму уголовной ответственности, которая при современном политическом демократическом режиме применяется по политическим мотивам персонально к политике. Тогда как, по мнению их оппонентов, конституционная ответственность означает специфическую процедуру, которая характерна только для режимов, квалифицируемых как парламентские, и не применяется в США. Если дебаты ведутся в таких терминах, они бесполезны: сомнительно, что здесь вообще есть место для спора, поскольку позиции не являются несовместимыми, и было бы достаточно каждому уточнить свою концепцию конституционной ответственности, чтобы это стало очевидным; в то же время, если задаться вопросом о том, имеют ли те или другие основание апеллировать к понятию конституционной ответственности в своей аргументации, то невозможно верифицировать одно использование и фальсифицировать другое, поскольку не существует *a priori* правильного понятия конституционной ответственности.

4. По этой причине первая задача критического юридического анализа конституционной ответственности состоит в том, чтобы принять во внимание различные значения, которые этот термин приобретает в юридическом языке, связанные с ним предположения, классификации и т. д. В этом отношении можно констатировать, что упоминание конституционной ответственности в юридическом языке обнаруживается на разных уровнях. С одной стороны, это может быть термин нормативного языка, т. е. термин, используемый в юридических актах (законах, конституциях, судебных решениях и т. д.). С другой — конституционная ответственность является также придуманным или используемым юридической доктриной понятием либо чтобы описывать позитивное право, либо чтобы оценивать позитивное право.

Разумеется, этот термин не зависит от одного и того же положения и соответствует его использованию: предписывать/описывать, — а также позиции говорящего: политическая/познавательная. Чтобы определить юридическое значение конституционной ответственности, мы проследим использование этого термина в соответствии с таблицей самых простых и классических случаев его упоминания в текстах.

Я предполагаю начать с рассмотрения вопроса о том, может ли объект иметь какое-либо значение в самом праве (нормативный инструментальный), а затем перейти к рассмотрению того, служит ли понятие интересам правовой науки. Наконец, я сделаю несколько замечаний относительно

связи между юридическими понятиями конституционной ответственности и ответственности, что представляется мне весьма важным в споре об использовании термина «конституционная ответственность». Конечно, ограниченный объемом настоящей статьи, я смогу только наметить пути исследования проблемы и рассмотреть несколько гипотез...

* * *

5. В первую очередь меня интересует, строго говоря, юридический дискурс, т. е. образующие его юридические акты и нормы. Мой вопрос заключается в следующем: если в указанных текстах встречается выражение «конституционная ответственность», то что оно в точности означает и какое это имеет значение для конструкции когнитивного дискурса догматико-доктринального типа?

Чтобы избежать недоразумения, я предполагаю установить и уточнить методологически применяемый подход. С одной стороны, речь идет о том, чтобы определить, действительно ли нормативный язык эффективно использует выражение, а не воспроизводит теоретически и интерпретативно понятия, предопределенные юридическим анализом (следующий этап). Таким образом, это в чистом виде эмпирическое исследование. С другой стороны, если выражение «конституционная ответственность» встречается в нормах, то его значение нельзя понять путем замены: нельзя, обращаясь к исследованию норм, задать вопрос «Что такое конституционная ответственность?» и ответить на него, заменяя выражение «конституционная ответственность» априорным ответом. Невозможно исходить из предполагаемого понятия конституционной ответственности, чтобы выявить нормативное значение этого выражения, но следует соотноситься с совокупностью утверждений, в которых содержится выражение «конституционная ответственность», например с утверждением «правительство политически ответственно». Так обозначаются необходимые условия истинности этого утверждения (например, процессуальные условия наступления ответственности, применения санкций и т. д.).²

6. Это просто понять, поскольку норма не подчиняется требованию истинности. С некоторыми оговорками, обусловленными юридической системой, определяющей саму себя, нормотворческая власть может назвать конституционной ответственностью все, что ей заблагорассудится. Речь идет об акте прескрипции, который, разумеется, не подчиняется логике когнитивного акта. В особенности использование языка не отвечает тем же требованиям, и выражение «конституционная ответственность» не связано непременно с однозначным и ясно определенным объектом.

По общему правилу, выражения нормативного языка могут быть двусмысленными, бессмысленными и т. д. Кроме того, возможно, что это прямо или косвенно обусловлено политическими и идеологическими причинами. Также возможно, что речь идет просто о последствии отсутствия точности в использовании юридического понятия, на которое собираются ссылаться, или отсутствия знания о нем.

² См.: *Hart H. L. A. Definition and Theory in Jurisprudence*. Oxford, 1953; *Ross A. Definition in Legal language // Logique et Analyse*. Bruxelles, août 1958. P. 139 и сл. (перевод на французский последней работы см. в: *Matzner E. Droit et langues étrangères: concepts, problèmes d'application, perspectives*. Presses universitaires de Perpignan, 2000).

7. Действительно, для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться внимание на то, что вполне возможна ситуация, когда два разных текста из двух разных юридических систем содержат термин «конституционная ответственность», отсылающий к несопоставимым или, по крайней мере, существенно различающимся процессуальным условиям. Так, норма N_1 из системы S_1 может предполагать наступление конституционной ответственности и применение санкции при таких процессуальных условиях, которые сближают ее с коллективной ответственностью парламентарного типа, тогда как норма N_2 из системы S_2 могла бы свести конституционную ответственность, например, к индивидуальной ответственности министра перед главой исполнительной власти.

Сам по себе термин не сообщает нам никакой информации, поскольку не обозначает однозначной реальности. По правде говоря, если термин был использован, то можно было бы даже заметить, что выражение ничего не обозначает. Следовательно, обособленное рассмотрение случаев нормативного использования термина «конституционная ответственность» не дает нам ничего, кроме того, что в таком-то тексте, в такой-то системе используется термин «конституционная ответственность» (этот факт установлен эмпирическим путем) и что в этом тексте, без возможности обобщения, данный термин наделен определенным значением (которое понимается через условия его действительности). Конечно, это ни о чем не говорит: имеется некоторое представление о конкретной правовой системе, можно провести классификации, описать ее, сравнить. Но это не приблизит нас к пониманию конституционной ответственности как таковой.

8. Все это ни о чем не говорит нам, поэтому немедленно приступим к сравнению условий правомерности применения этого термина с данными таблицы, которую мы догматически конструируем или используем (она не является результатом эмпирической констатации использования выражения в нормах). Далее мы скажем о смысле конституционной ответственности в таком-то тексте: «Итак, в таком-то тексте термин использован в соответствии или с тем или вопреки тому, что доктрина или некоторые ученые понимают под конституционной ответственностью». Тем не менее, сопоставляя доктринальное и нормативное использование термина, не представляется возможным оценить истинность его нормативного применения.

И чтобы нагляднее продемонстрировать это, можно просто попытаться заменить термин «конституционная ответственность» в том виде, в каком он нормативно использован, любым другим термином, каким бы абсурдным он ни казался. Тогда станет очевидно, несмотря на кажущуюся абсурдность, что замена не затронет нормативный порядок (просто потому, что заменить в норме не означает определить). Рассмотрим гипотетические нормы, которые определяли бы следующее:

а) когда правительство ставит вопрос о своей конституционной ответственности, парламент обсуждает политическую программу правительства;

б) когда парламент ставит вопрос о конституционной ответственности правительства, парламент голосует по резолюции порицания;

с) в случае вынесения резолюции порицания квалифицированным большинством депутатов парламента или в случае отклонения политической программы правительства последнее должно уйти в отставку.

9. Как мы уже отметили, здесь важно не использование в этих нормах термина «конституционная ответственность», а то, что нормами предусмотрены определенные процедуры, и то, что нормы определяют, что именно

происходит, когда они применяются. Например, если по инициативе правительства парламент обсуждает вопрос об общей политике, проводимой правительством, и ее одобряет меньшинство депутатов, правительство должно уйти в отставку. Или если парламент по своей инициативе вотирует резолюцию порицания правительства и выносит ее, то правительство должно уйти в отставку. Итак, можно заменить «конституционную ответственность» любым выражением, например «делфтский фарфор», при этом значение данной нормы не изменится.³ Можно было бы так сформулировать три наши гипотетические нормы:

d) когда правительство ставит вопрос о своем делфтском фарфоре, парламент обсуждает политическую программу правительства;

e) когда парламент ставит вопрос о делфтском фарфоре правительства, парламент голосует по резолюции порицания;

f) в случае вынесения резолюции порицания квалифицированным большинством депутатов парламента или в случае отклонения политической программы правительства последнее должно уйти в отставку.

Как видим, совершенно не важно, что будет использовано в качестве среднего нормативного термина. Он не выполняет логической функции, хотя, конечно, имеет яркую идеологическую окраску и, кроме того, с точки зрения доктринальной теории конституционной ответственности может представляться вполне правильно использованным.

10. Я не стал рассматривать здесь ни все тексты действующего права, ни все старые тексты, но мне представляется, к примеру, весьма показательным, что ст. 49 и 50 Конституции 1958 г. не содержат этого термина, предпочитая ему термин «ответственность правительства», которая наступает в связи с его программой или декларацией об общей политике.

Понятно, что, исходя из этого, часть ученых собирается построить понятие конституционной ответственности, текст сам по себе просто говорит об ответственности правительства (по-видимому, специально указывая на орган власти). Также вполне понятно, что термин «конституционная» не имеет того же значения, как в ситуации, когда доктрина связывает его с ответственностью, чтобы квалифицировать ее и конституировать вместе с ней понятие, и когда он нормативно обозначает, как в данном случае, одну из форм ответственности правительства.

Однако в положениях Конституции содержатся термины, касающиеся уголовной ответственности и обозначающие конкретный тип деятельности, направленной против Президента Республики или министров (раздел X). Не являясь определяющим, это сравнение выявляет принципиальные различия между применениями рассматриваемых выражений, даже если они кажутся нам концептуально близкими и, интуитивно, родственными.

11. Таким образом, можно отметить, что нормативный дискурс не дает нам никакого представления о конституционной ответственности как таковой, потому что это не является функцией нормы. В результате свободная до некоторой степени доктрина обращается к этому термину, чтобы обозначить что-нибудь, при условии уточнения, что она, таким образом, обозначает. Не углубляясь в этот вопрос, обратимся к другой проблеме — проблеме значения, связанной с доктринальным использованием.

³ Об этом анализе см. подробнее: *Ross A. Tû-Tû // Harvard Law Review. 1957. N 70. P. 812–825* (перевод см. в: *Millard E., Matzner E. Enquête. Marseille, 1999. P. 263 и сл.*).

* * *

12. Теперь я совершенно иначе поставлю вопрос: речь пойдет всего лишь о том, чтобы определить, существует ли и при каких условиях логической истины понятие конституционной ответственности, исходя из которого доктрина осмысливает право. Другими словами, включает ли в себя понятие конституционной ответственности, о котором рассуждают юристы, некоторое число эмпирических юридических фактов, разнообразных, потому что они релевантны различным правовым системам, и (не)квалифицируемых системами конституционной ответственности, как бы они ни назывались, и каким образом это происходит.

Прежде всего, необходимо напомнить, что доктрина совсем не обязана обращаться к этому понятию, и мы видели, что отсутствие нормативного значения *per se* данного выражения возлагает на доктрину всю полноту ответственности за его конструктивное использование.

Далее следует повторить, что юридическое определение конституционной ответственности (которое относится к предмету юриспруденции) непременно является условным. Оно возникает с конструированием юриспруденцией своего объекта. Принципиальный вопрос здесь заключается в том, чтобы определить, какой конструкции соответствует применение этого термина? Оправданно ли прибегать к нему с точки зрения того, что составляет объект исследования? С точки зрения того, чем является или чем должна быть юридическая наука?

Следовательно, вполне вероятно, по мнению некоторых авторов, отсылка к понятию будет различаться и зависеть от разнообразных факторов, приобретая тем самым множество значений. В мои намерения не входит составление каталога доктринального использования. Я просто хотел бы показать тенденции, чтобы выявить смыслы, порождаемые использованием понятия. Так, можно проводить различия по двум критериям: контекст использования (прескриптивный, дескриптивный) и обозначаемое этим использованием (в широком или узком смысле).

13. В большинстве случаев констатируем, что доктрина предпочитает прескриптивный подход. Она исходит из априорной идеи: либо из того, чем в общем смысле является ответственность (в политической сфере или, в более широком смысле, во всех юридических отраслях), либо из того, чем должны быть ограничения, устанавливаемые для чиновников высшего уровня, к примеру, в демократии, либо из того и другого. Исходя из этой априорной концепции создается понятие конституционной ответственности.

Перед нами этический, политический подход, нацеленный на выработку эталона справедливости, которым поверяется позитивное право (одновременно с точки зрения буквы и функционирования). Этот подход, как мне представляется, характерен для исследования Оливье Бо, посвященного процессу по делу о зараженной крови,⁴ или для Филиппа Сегюра,⁵ Кристиана Бидегаре и Клода Эмери.⁶

Очевидно, этот подход приводит к концептуализации, следовательно, служит юридической науке. В частности, он позволяет определить объективные критерии конституционной ответственности, хотя, конечно, имеют место дебаты об идентификации этих критериев в зависимости от

⁴ *Beaud O.* Le sang contaminé. Paris: PUF, 1999.

⁵ *Séguir Ph.* La responsabilité politique. Que-sais-je? Paris: PUF, 1998. N 3294.

⁶ *Bidégary C., Emeri C.* La responsabilité politique.

принятого эталона: процедурные критерии (применение конституционной ответственности, санкция); институциональные критерии (орган, который несет конституционную ответственность, чаще всего, правительство).

14. Но в то же время прескриптивный подход может перенести исследование в плоскость, далекую от интересов юриспруденции, и привести к простым политическим суждениям о политических эффектах права. На мой взгляд, это тот случай, когда много и с сожалением говорят о неприменении конституционной ответственности. Это предполагает, с одной стороны, наличие *a priori* модели, в отношении которой конституируется, что она вышла из употребления (обычно это процедуры классического парламентаризма),⁷ с другой — что исчезновение данной модели или утрата ею прежних позиций *a priori* становится объектом политической оценки. То же можно сказать, когда весьма часто подчеркивается неэффективность конституционной ответственности в современных условиях. Наконец, и главным образом, это смещение, характерное для прескриптивного подхода, представляется крайне продуктивным, когда, определяя конституционную ответственность, обозначают ее цель: как правило, она состоит в обеспечении равновесия властей.

15. Думается, подобные размышления вдохновляются имплицитной идеей существования если не совершенной, то, по меньшей мере, лучшей модели юридической организации власти — модели парламентарного режима. Она в первую очередь затрагивается конституционной ответственностью (мы видим реализацию идеи равновесия властей, конституционной ответственности во взаимоотношениях парламента и правительства). К ней следует постоянно возвращаться (эта идея находится в центре дискуссии о конституционной ответственности и уголовной ответственности лиц, облеченных властью, как следует из работы Оливье Бо). По этому режиму мы судим о других режимах (прежде всего, о президентальном). Очевидно, что в силу относительной специфики режима Пятой республики такой подход особенно важен для современной французской доктрины.

Формальное определение конституционной ответственности представляет в наше распоряжение критерий различения парламентарного режима, который характеризуется предельно ясно, и иных политических режимов, которым могут быть известны другие формы ответственности чиновников высшего уровня.

⁷ Или, по крайней мере, эксплицитное обращение к этим процедурам. Хотя это не имеет прямого отношения к предмету нашего исследования, тем не менее заметим, что по меньшей мере наивно заявлять об упадке парламентских процедур конституционной ответственности (определенных таким образом) под теми предлогами, что в Ассамблее присутствует политическое большинство, что резолюция порицания применяется крайне редко и что вопрос о доверии обычно вотируется. С одной стороны, речь идет о полном игнорировании идеи угрозы и экономии в системе: как объяснить юридически и политически, например, режимы сожительства, если не через эффективную конституционную ответственность правительства и отличное знание механизма этой ответственности политическими акторами? Просто уму непостижимо, как можно говорить о таком упадке: на деле все наоборот (см. по этому вопросу важные исследования Марии-Анны Коанде, в особенности ее работу «Cohabitation» (Paris: PUF, 1993)). С другой стороны, как можно одновременно вести речь — пусть и не юридический дискурс, — которая направлена на повышение значения парламентаризма через конституционную ответственность, и утверждать, что институт этой ответственности пришел в упадок, когда конституционная ответственность не приводит к падению лиц, наделенных властью? Имеется ли в виду придание большего политического значения парламентаризму или парламентская нестабильность? Порой за банальностями скрывается неумолимая логика...

Между тем это различие подразумевает два обстоятельства: с одной стороны, единство парламентарных режимов, с другой — ассимиляцию конституционной ответственности в классической игре с резолюцией порицания и вопросом о доверии. С этой точки зрения первое обстоятельство следует подтвердить (и французский пример, по меньшей мере, свидетельствует о том, что между парламентарными режимами существуют различия). Что касается второго обстоятельства, то оно является следствием этой дефиниции и становится тавтологичным. Если не составлему никакого труда определить конституционную ответственность как систему классических парламентарных процедур (см. следующий пункт), то из этого предположения еще нельзя сделать вывод о невозможности обнаружить конституционную ответственность в другом случае, например, в привлечении к уголовной ответственности по политическому мотиву Президента США.

16. Напротив, когда мы имеем дело с чисто дескриптивным подходом, таким, которого придерживается позитивизм, ситуация немного осложняется. В отличие от прескриптивного подхода здесь не исходят из априорной концептуализации, а чаще действуют индуктивным образом, чтобы рассмотреть возможность объединения под одним термином «конституционная ответственность» ряда процедур, предусмотренных позитивным правом и касающихся чиновников высшего уровня. Ответы при этом могут быть различные.

17. Для некоторых авторов, например, для единомышленников Луи Фаворе, нет необходимости задействовать понятие, потому что оно непригодно для описания позитивного права. Ими игнорируется конституционная ответственность как понятие (ограниченное применение термина отсылает к его использованию в разговорном языке), которое может каким-либо образом опосредовать процедуры контроля за чиновниками высшего уровня.⁸ Действительно, с одной стороны, такой подход является в большей степени органическим, чем процедурным (описываются органы власти, их статус, их функция). С другой стороны, его сторонники осознанно избегают обращения к любому понятию конституционной ответственности, поскольку отказываются видеть в отсутствии у правительства поддержки большинства депутатов парламента и возникающей у него обязанности уйти в отставку юридическую санкцию. По их мнению, речь не идет о последствии нарушения какого-либо правила.⁹ Итак, определенная часть ученых, исходя из общей теории ответственности (гражданской и иных видов), прямо или косвенно отвергают понятие конституционной ответственности.

18. Другие авторы не заходят так далеко в рассмотрении априорного понятия конституционной ответственности: и Жорж Бурдо, и Франсис Амон, и Мишель Тропер обращаются к нему в своих рассуждениях. Но конституционная ответственность понимается ими как один из трех видов ответственности, предусмотренной для должностных лиц (министерская

⁸ Favoreu L., Gaïa P., Ghevoñtian R., Mestre J. L., Roux A., Pfersmann O., Scoffoni G. Droit constitutionnel. Dalloz, 1998. — Конституционной ответственности посвящены пять строк (N 944). Затем на нее ссылаются, чтобы описать положение парламента в Пятой республике, и она становится «ответственностью Правительства» согласно Конституции 1958 г. Общей теории конституционной ответственности не существует.

⁹ Ibid. N 988.

ответственность) наряду с гражданской и уголовной ответственностью¹⁰ (а единомышленники Луи Фаворе противопоставляют конституционную ответственность гражданской и уголовной ответственности, рассматривая ее отдельно от них¹¹). Интересно, что, так же исходя из общей теории ответственности, эти авторы видят в процедуре привлечения к ней критерий отграничения конституционной ответственности от гражданской и уголовной ответственности. Этот подход предполагает, что все три формы ответственности могут иметь общую цель (политическую) и применяться к одним и тем же актам. Таким образом, конституционная ответственность в юридическом смысле является категорией конституционной ответственности в политическом смысле, определяемой через процедуру и, следовательно, отсылающей к режиму парламентарного типа. Указанные авторы не скрывают двусмысленности существования двух разных процедур (даже больше): резолюции порицания (парламент ставит вопрос о конституционной ответственности правительства) и вопросов о доверии (они позволяют правительству самому ставить вопрос о своей конституционной ответственности).

19. В заключение этой части можно констатировать, что, с точки зрения юристов, конституционная ответственность зависит в большей степени от политической, чем от юридической теории. Она служит описанию права, но не обязательно теоретизируется, поскольку выявление критериев (идентификации и различения) кажется более важным, служит критике права в таком познавательном процессе, который имеет преимущественно этическое, а не юридическое содержание.

Исследование с позиций юридической науки заходит в тупик, если хотя бы теоретизировать конституционную ответственность, т. е. выработать ее юридическое понятие. Можно ли предложить условную научную дефиницию конституционной ответственности, которая не оставляла бы за скобками непарламентарные режимы и криминализацию политической жизни? Итак, речь идет об общей теории юридической ответственности, реализуемой в политической сфере.

* * *

20. Моя задача в данном случае проста и заключается в исследовании самой конструкции понятия. В то время как конституционная ответственность по своему историческому происхождению примыкает к институту английского права *trustee*, доверию, ее концептуализация, как мне представляется, не может обойтись без прояснения ее связи с идеей ответственности. Следует ли попытаться увидеть, чем является (или может являться) та конституционная ответственность, о которой пишут юристы: есть ли понятие *sui generis*, не связанное с общим понятием ответственности (тезис, из которого исходят единомышленники Луи Фаворе, а также, правда, в иной перспективе, Оливье Бо)? Или существует специфическая форма юридической ответственности (как мы видели, на этом положении основывают свой анализ Жорж Бурдо, Франсис Амон и Мишель Тропер)?

21. Другими словами, необходимо установить, чему корреспондирует юридическая ответственность, когда юрист говорит, что министр является,

¹⁰ *Burdeau G., Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. Paris, 1997. P. 355. — См. также: Ibid. P. 115–116.*

¹¹ Ср.: *Favoreu L., Gaia P., Ghevontian R., Mestre J. L., Roux A., Pfersmann O., Scofoni G. Droit constitutionnel. N 944 et 946.*

или не является, или больше не является политически ответственным? Что она означает? Как она конструируется?

Думаю, что именно здесь скрывается подлинный юридический вопрос. Я хочу сказать этим, что все наши современные дискуссии о криминализации конституционной ответственности, в том числе о ее неприменении и т. д., зависят в значительной части от ответа, который нам предстоит дать на этот вопрос. Кроме того, это означает, что если мы его предварительно не проясним, то, по большому счету, наши дальнейшие дискуссии напрасны. Напомним для примера, что когда Раймон Карре де Мальберг отмечал, что уголовная ответственность министров — продолжение конституционной ответственности, он имел в виду только то, что в процедурных рамках, предполагающих участие специального судьи и уводящих политика из-под действия общего права, применяемые понятия наделены значением, полностью отличным от того, которое придается обычной или общей ответственности. Итак, очень многое зависит от ответа на поставленный нами вопрос об отношениях между конституционной ответственностью и общей ответственностью как доктринально сформулированными понятиями, т. е. от того, как мы обозначим понятие конституционной ответственности, которое мы будем учитывать, представляя тем или иным образом позитивное право. Не каждое представление будет непременно корректным (есть много других факторов, о которых я не сказал здесь), но различные положения являются уместными при условии их принятия (т. е. при условии их согласования с импликациями и логикой).

22. В центре внимания оказывается не просто процедура (понимаемая как ключевое звено в поисках критерия конституционной ответственности), но прежде всего вопрос о санкции и о возможной вине. Конечно, этот вопрос, возвращающий нас к идее морального суждения о политическом акте и к моральной идее о том, что тот, кому доверена власть или какая-то функция, должен давать отчет в своей деятельности, был, к счастью, сразу же ограничен научным анализом. Однако он не был совершенно исключен из предметного поля исследования и, напротив, приближает нас к пониманию проблемы при условии его постановки в юридических терминах.

23. Общая идея, отныне господствующая в юридической доктрине, заключается в том, что в случае конституционной ответственности отсутствует проступок в юридическом смысле. Следовательно, нет никакой возможности юридически определить понятие конституционной ответственности через пару «проступок — санкция», как это принято в отношении общей ответственности. Понятие конституционной ответственности, понятие *sui generis*, полностью обособляется, таким образом, от логики юридической ответственности.

Согласно такому анализу в институте конституционной ответственности нет места проступку, потому что в юридическом смысле он предполагал бы нарушение юридического правила. Между тем, например, применяемая на основании голосования депутатов парламента санкция, юридически обязывающая правительство подать в отставку, является не юридической констатацией того, что не было соблюдено какое-то юридическое правило, а утверждением о том, что правительство больше не соблюдает тех правил политической игры, уважения которых от него ожидает парламент. Санкция, политически применяемая политическими властями и по политическим мотивам, могла бы считаться политической санкцией в чистом виде. По этой причине она предполагает специальный юридический режим (специфические процедуры, в особенности процедуры, характеризующие парламентарный режим).

Это утверждение, ставшее классическим, конструирует конституционную ответственность как специфическое понятие, полностью отличное, например, от гражданской, уголовной или административной ответственности. В логике этой конструкции — критиковать криминализацию политической юстиции, т. е. вмешательство обычной процедуры (более или менее ординарной) и судей общего права (более или менее общего) в процесс применения конституционной санкции, к примеру, в дискуссию по делу о переливании зараженной крови. Такое утверждение, такая специфическая конструкция приводят ко многим логическим следствиям, которые не всегда принимаются или осмысливаются сторонниками этой конструкции или которые порождают многочисленные двусмысленности при использовании и обозначении данного понятия. Я рассмотрю два следствия, исходящие из того, что очевидное намерение приступить к конструированию понятия независимо от идеи проступка не всегда полностью отвергается и влечет за собой парадоксальным образом отрицание юридического проступка; любопытно, что при этом оно еще быстрее возвращается к более морализаторской концепции проступка, чем та, которую юридический анализ намеревался опровергнуть.

Первое следствие, достаточно радикальное и редко озвучиваемое,¹² состоит в том, что искомое понятие обнаруживается здесь по отношению к логике ответственности как таковой, что дает основание задуматься о том, уместно ли, с догматической точки зрения, до сих пор обращаться к ней. На самом деле, почему по-прежнему находит поддержку использование термина «конституционная ответственность», если определение этого понятия дается исходя из аксиомы, согласно которой конституционная ответственность не имеет никакого отношения к ответственности? Если это происходит не из-за двусмысленности, то по идеологическим причинам (имея целью требование конституционной ответственности или, точнее, поддержку идеи проступка, санкции, не признаваемой юридической; использование ее легитимирующей силы, которой наделена идея ответственности как таковой). Утверждается, что можно четко описать юридические процедуры, которые предполагаются подвести под специфическое понятие конституционной ответственности, без необходимости отсылки к этому формальному понятию. Обращение к нему никогда не бывает нейтральным и не может считаться таковым, особенно когда делает своими эти суждения...

Второе следствие связано с рабочей характеристикой конституционной ответственности, даваемой ей в процедурной системе, при парламентарном режиме. Утверждается, что специфические процедуры парламентарного режима обуславливают существование конституционной ответственности, и предполагается, что смена или мутация рассматриваемого политического режима могла бы повлечь за собой, не вызывая никаких возражений со стороны науки, исчезновение конституционной ответственности. С этой точки зрения есть некоторая двусмысленность в сохранении любой ценой этого понятия вне такой оригинальной системы. Кажется, что в центре внимания при применении понятия *sui generis* оказывается не столько ответственность политика, сколько стремление «заморозить» ее в предустановленной процедуре и ограничить политическую свободу юридической организации.

¹² См., тем не менее: Favoreu L., Gaïa P., Ghevontian R., Mestre J. L., Roux A., Pfersmann O., Scoffoni G. Droit constitutionnel.

24. В противоположность классическому утверждению можно признать конституционную ответственность одним из типов ответственности. Если мы занимаем такую позицию, которая не лучше и не хуже, а просто иная и возможная, то тогда следует вернуться к юридическим понятиям проступка и санкции.

Что, в первую очередь, можно сказать о проступке и о предполагаемом нарушении правовой нормы? *Primo facie*, то, что в эпоху, когда существует объективная ответственность администрации и даже отдельного лица, нет ничего оригинального и экстраординарного в том, чтобы рассматривать идею юридической санкции независимо от проступка. Если бы традиционный аргумент был таким, то я уверен, что не возникло бы никакой проблемы. Но нам говорят о том, что юридическая санкция, даже независимо от проступка, всегда предполагает нарушение нормы права. Это утверждение заслуживало бы глубокого анализа, хотя на самом деле можно сказать, что, когда судья применяет юридическую санкцию за какое-либо поведение, совершен проступок или нет, это происходит либо потому, что такое поведение непосредственно противоречит требованию права,¹³ либо потому, что судья облечен властью непосредственно оценивать поведение. Примером первого случая является нарушение нормы уголовного права, за которое судья применяет санкцию. Второй случай имеет место тогда, когда судья, например, устанавливает, что поведение отца противоречит интересам его ребенка. В обоих случаях *a posteriori* принимается во внимание, что есть юридическая санкция за нарушение, которое выражается либо в неуважении требования, либо в сложившемся некорректном представлении об интересах ребенка. Утверждение, согласно которому санкция применяется только в случае нарушения нормы права, является способом (несомненно, несколько поспешным) возвращения к этим двум ситуациям; в противном случае она не соответствовала бы реальности позитивного права.

Следует задаться вопросом: отличается ли от рассмотренных случаев ситуация наступления конституционной ответственности? Я считаю, что нет.

Можно заметить, раскрывая таким образом понятие политики, — и вновь обратиться, если есть желание, к идее проступка, хотя это и не обязательно, — что в парламентарном режиме (к примеру) чиновники высшего уровня берут на себя обязательство получить доверие законодательного собрания, чтобы сохранить свою должность. Это договор (я предпочитаю английский термин *trustee*, — несмотря на то что его смысл сложно передать, он хорошо показывает, что законодательное собрание наделяет правительство своим доверием и может отозвать его в любой момент без объяснения причин, как в случае с банковским залогом¹⁴) между правительствами и законодательными собраниями. Правительство должно сохранить это доверие, которое является юридическим основанием его власти. Тот, кто утрачивает доверие, совершает проступок в юридическом смысле, и юридическая санкция в таком случае заключается в потере власти. Вместо того чтобы видеть здесь нарушение, можно было бы сказать, что законодательное собрание юридически наделено (Конституцией)

¹³ О правовых требованиях см.: *Ross A. Directives and Norms*. London, 1968.

¹⁴ О происхождении понятия конституционной ответственности от понятия *trust* см. отличающиеся ясностью изложения работы Eloy Garcia, в особенности «*Estudia Preliminar à la Logica Parlamentaria, o de las reglas del buen parlamentario*» в кн.: *Hamilton W. G. Parliamentary Logick. Textos Parlamentarios Clásicos*. Madrid, 1996.

возможностью самостоятельно определять, действует ли правительство в соответствии с его взглядами. Мы обнаруживаем здесь два аспекта вышеупомянутой юридической санкции: неуважение требования (Уголовного кодекса или *trust'a*); санкция, которая применяется наделенной судебными полномочиями инстанцией (судом, законодательным собранием) на основании оценки отклонения в поведении.

Итак, принципиально важно обозначить (и это не представляет особой трудности), что рассматриваемый механизм ответственности предусмотрен правом. Исходя из этого, нет ничего юридически оригинального в том, чтобы заменить или дополнить принятую процессуальную форму ответственности другой формой в рамках иного нормативного предписания. С этой точки зрения, отталкиваясь от этой концепции политической власти, можно обозначить как конституционную ответственность любой тип ответственности политика, так как оригинальность рассматриваемой формы ответственности определяется тем политическим контекстом, в котором она находится, т. е. политической целью. Логически исходя из понятия конституционной ответственности, можно формально определить резолюцию порицания как вопрос о доверии, парламентские комиссии — как уголовную ответственность в президентском режиме, или в парламентарном режиме, или даже в других режимах. Также нет никаких причин для отказа от рассмотрения идеи роспуска нижней палаты парламента в качестве формы конституционной ответственности, определяемой подобным образом, или переизбрания (невозможности переизбрания) политического деятеля. Каждый раз мы будем замечать санкцию, применяемую органом политической власти (в том числе избирательным корпусом) к другому органу политической власти по политическим мотивам. И каждый раз мы будем обнаруживать направления юридической санкции. Нет, следовательно, никакой причины, если исходить из этих предпосылок, привязывать понятие конституционной ответственности к парламентарному режиму. Конституционная ответственность, согласно такой логике, является ответственностью политика, кем бы он ни был и какими бы ни были ее формы. Она объединяет разнообразные юридические процедуры, отодвинутые на второй план в глобальном анализе политической сферы.

* * *

25. Таким образом, понятие конституционной ответственности является чисто доктринальным. Оно не наделяется никаким подлинным значением и конструируется формальным образом. Можно было бы предотвратить или разрешить множество юридических споров об этом понятии, если просто и строго придерживаться логического анализа конструирующих его теорий. Признаваемое в качестве специфического понятия, оно обозначает, по сути, процедуры парламентарного режима, но нет никаких оснований для того, чтобы возвращаться к идее ответственности, и использование этого понятия непременно дает толчок метаюридическим суждениям. Рассматриваемое как отклонение от ответственности, логически оно обозначает любую форму ответственности политика независимо от юридических способов ее реализации, и можно спросить себя, действительно ли оно по-прежнему обозначает что-нибудь определенно юридическое.